

БОННИ-СЬЮ ХИЧКОК

Перевод Юлии Пугаченковой

Затаяхи чужих домов

Young
Adult

МИО

ОГЛАВЛЕНИЕ

Пролог	
Как было раньше. Руфь, 1958—1963 годы	8
Глава первая	
Запахи чужих домов. Руфь	17
Глава вторая	
The Ice Classic. Дора	32
Глава третья	
Балерина-рыболов. Элис	49
Глава четвертая	
Погоня за косатками. Хэнк	63
Глава пятая	
Только вперед. Руфь	78
Глава шестая	
Рыболовецкий лагерь. Дора	94
Глава седьмая	
Не спрашивай, не говори. Элис	108
Глава восьмая	
Нас заметили. Хэнк	121

Глава девятая	
Снежный ком несчастий. Руфь	132
Глава десятая	
Чертова голубая записка. Дора	148
Глава одиннадцатая	
If You Must Smoke, Smoke Salmon. Элис	163
Глава двенадцатая	
Долгожданная встреча. Хэнк	176
Глава тринадцатая	
Колокольчики в бутылке из-под виски. Руфь	193
Глава четырнадцатая	
Черничный пирог. Дора	205
Глава пятнадцатая	
Балерины. Хэнк	220
Глава шестнадцатая	
Братья. Элис	224
Глава семнадцатая	
Декабрь 1970-го. Руфь	233
Интервью с Бонни-Сью Хичкок	245
Слова благодарности	252

Пролог

КАК БЫЛО РАНЬШЕ

РУФЬ, 1958—1963 ГОДЫ

Я не могу перестать вспоминать о том, как было раньше. Как отец охотился, чтобы нас прокормить. Как он подвешивал тушу оленя в сарае, чтобы заготовить мясо, и как разъезжались оленьи ноги с копытами, напоминающими пуанты балерины, когда отец вспарывал зверю живот. Я сотни раз видела, как он срезает мясо. Я до сих пор слышу, как лезвие ножа царапает кость. Самое вкусное мясо со спины оленя, я его обожала, а у папы получалось срезать его так же красиво, как у мамы завязывать бантики на подарках. Он нес свежее мясо в дом голыми руками, и весь путь от сарая до кухонной раковины, начищенный мамой до блеска линолеум был усеян капельками крови.

Иногда папа приносил в миске еще теплое оленьё сердце и разрешал мне его потрогать. Я прикасалась к нему губами и целовала мягкую розовую плоть, надеялась почувствовать пульсацию, но сердце уже не билось. Мама, уткнувшись отцу в шею, смеялась

и называла его Даниэлем Буном*, а он запускал окровавленные пальцы ей в волосы. И родители начинали вальсировать по кухне. Мама была из тех людей, кто ставит букетики диких цветов в бутылки из-под виски. Люпины и наперстянки на кухне, сирень в ванной. Мама пахла как моховая тряпина после ливня и оставалась красивой даже с кровью в волосах.

Мой мольберт стоял на кухне, так что я могла смотреть, как мама готовит мясо, и рисовать, одетая в балетную пачку, которую папа привез мне из очередной поездки во внешний мир. К пачке прилагались подходящие по цвету розовые пуанты, которые я не снимала, даже когда ложилась спать. Мама надевала на меня одну из больших папиных фланелевых рубашек, чтобы я не испортила свой любимый наряд. Рубашка на мне свисала до пола; длинные рукава были подвернуты много раз и напоминали пышные булочки с корицей. Я пыталась найти такой оттенок красного, который был бы похож на цвет крови в маминых волосах, смешивала все краски, но каждый раз получала коричневый.

Папа часто говорил слова, которых я не понимала, например, что «если присвоят статус штата, то мы рискуем потерять права на охоту» и что «федералы все испортят». Мой пятилетний мозг думал, что статус штата — это такая новая машина с очень большим капотом. Я не знала, кто такие федералы, папа объяснил, что это люди, которые будут решать, сколько

* Американский первопоселенец и охотник, один из народных героев США.

оленины и лосося нам можно есть. Мамин живот вырос и округлился, и даже я понимала, что это предвещает появление еще одного едока. Папа поднимал мамину рубашку и целовал раздувшийся живот так же, как я целовала оленье сердце.

— Ты целуешь живот, потому что он больше не бьется? — спрашивала я отца. Мамин живот был белым, как брюхо оленихи.

— Конечно, бьется, — отвечал он. — Не переживай.

Оказалось, что статус штата — это не новая машина, а что-то важное, и папе, чтобы попытаться это остановить, пришлось лететь в Вашингтон — туда, где «нужно показывать паспорт, когда сходишь с самолета и где никто не охотится и не рыбачит», — и ему пришлось купить новые туфли, чтобы пойти на встречу и рассказать, почему жители Аляски не хотят присвоения статуса штата. Некоторые люди этого хотели, но они не были папиными друзьями.

Папа рассказал мне, что жители Аляски не слишком заботятся о том, что происходит в Вашингтоне, но большинство очень огорчилось, когда «люди из внешнего мира» стали принимать решения за нас. Я не знала, кто были эти люди из внешнего мира, и надеялась, что никогда-никогда их не повстречаю.

Потом пришло письмо — на марке был флаг с кленовым листом; когда мама читала его, бумага в ее руках тряслась. Я видела, как беззвучно шевелятся ее губы, и понимала, там было что-то плохое. Мама упала, схватившись за живот, и стала издавать звуки, которые я слышала только от диких зверей в дремучем лесу.

Лилия родилась на следующий день после письма, и я думаю, мама не видела ее вовсе, потому что, когда

я после родов заглянула маме в глаза, в них была пустота. Медсестра спросила, как назовут ребенка, и когда мама ответила «Лилия», мне показалось, что она разглядывает цветы у кровати, а не завернутый в больничное одеяло розовый комочек, кричащий так, будто ему тоже не хочется быть здесь. Бабушка приехала на роды, но потом мама осталась в больнице, а нас с Лилией усадили в потертую коричневую машину с прожженной сигаретами обивкой. Я думала, что новорожденному вредно таким дышать, но Лилия и не заметила запаха, просто лежала, как будто на самом деле была всего лишь неподвижным комком, а я всю дорогу до бабушкиного дома в Берч-Парке прижимала к носу шарф.

— Маме нужно время, — вот как ситуацию объяснила бабушка, а потом пересказала содержание письма. Самолет, в котором летел папа, потерпел крушение над Канадским Арктическим архипелагом, совсем немного недотянув до Аляски. Бабушка сказала, что самолет упал, когда мужчины возвращались домой после встречи. Что-то в ее голосе натолкнуло меня на мысль, что она не считает папу «смелым человеком с великими идеями по развитию Аляски», как это значилось в письме. Читая его, она фыркала, а в конце высморкалась.

Потом бабушка сказала:

— Плачь, если хочешь, но его уже не вернуть.

В Берч-Парке пахло как в старушечьем доме, я этого не замечала раньше, когда мы приезжали в гости к бабушке — что случалось не слишком часто. У нее

не было букетиков в бутылках из-под виски и подвешенных под потолком оленьих туш. В холодильнике лежало лишь бледно-розовое мягкое мясо на пластиковой подложке, обернутое пленкой. В нем не было ни капли крови, и от этого я тосковала по дому и относилась ко всему с недоверием.

На следующий день на первой странице газеты жирными буквами напечатали «Свершилось!», так мы узнали, что Аляска стала сорок девятым американским штатом. Бабушка не поняла, что произошло плохое, она вырезала заголовок и сказала мне сохранить бумажку, чтобы всегда помнить об этом дне. Но я-то хотела помнить о том, как было раньше, до этой истории с присвоением статуса штата.

Когда мама не приехала вечером, на следующий день, а потом и через день, я решила, что присвоение статуса штата как-то повлияло и на нее. Может, у нее не было нужного паспорта или она носила не те туфли? Или, может, она отправилась в Канаду, где канула в ту же бездонную пустоту, которая поглотила и папу.

Я ждала маму, беспокоилась, что Лилия не узнает, каким должен быть мир на самом деле. Но годы шли, и накануне моего десятого дня рождения начала подниматься вода, я знала, что так и должно быть — река мстила. Вода вышла из берегов и поднималась выше и выше, слизывая все подряд огромным мокрым языком. Папа был прав, когда говорил, что реку невозможно укротить.

Ржавые бочки, голубые переносные холодильники и жестянки с персиками и фруктовым салатом вымывало из кладовок, и они, подпрыгивая, проплывали по Второй авеню. Чья-то красная кружевная

комбинация повисла на кусте гороха мистера Петерсона. Лилия смеялась до упаду, пока бабушка не цыкнула на нее. Бабушкино лицо было красным, как переспелая клубника. Нижнее белье — не повод для шутки даже во время наводнения.

Лилии было уже пять, и она чуть не сошла с ума от радости, когда нас с крыльца забрала лодка, ведь вода все прибывала. Я же просто молилась, чтобы наводнение не кончалось и чтобы реки каким-то образом вынесли нас в прежнюю жизнь.

Но лодка прошла всего милю от порога и высадила нас у школы, к которой вода пока не добралась, потому что та стояла на холме. Лилия смеялась и играла со своей подружкой Банни, и вообще вела себя так, будто мы отправились в путешествие, полное приключений.

Когда нам делали прививки, меня за руку держала девочка по имени Сельма, а я притворялась, что сжимаю ее ладонь только чтобы ей не было страшно, хотя на самом деле тоже приходила в ужас при виде шприцев. Мы ровесницы, и даже тогда она была храбрее меня. Кроме Сельмы, наводнение не принесло мне ничего хорошего.

Несколько дней спустя мы вернулись в отсыревший затхлый дом в Берч-Парке. В нем не было мебели, только кое-какие вещи из гуманитарной помощи, которые нам привезли на грузовике из Анкориджа. Ковер еще несколько недель хлюпал и плевался мутной водой, стоило нашим поношенным кроссовкам наступить на него. Бабушка примкнула к волонтерам, пытавшимся добиться от нового правительства штата возмещения ущерба, который люди понесли

во время наводнения. Некоторые соседи сообщали, что у них пропало все. Мама Доры Петерс заявила, что она лишилась стиральной машины, электрической сушилки, кухонного стола и каких-то причудливых прикроватных ламп. Бабушка поджала губы, но записала все до единого слова в большую черную книгу, на обложке которой значилось: «Собственность правительства Соединенных Штатов».

— Ни у кого в Берч-Парке не было ни стиральной машины, ни сушилки, — сказала я за ужином.

Бабушка промолчала.

— А мы можем получить стиральную машину и сушилку? — спросила Лилия.

— Не выдумывай, — проворочала бабушка.

— Но ведь они соврали, — возразила я. — Ни у кого не было такой роскоши.

— Это не наше дело.

— Но ты же представитель правительства. Это твоя работа.

Бабушка прищурилась.

— Не надо учить меня моей работе, юная леди.

Я опустила глаза в бумажную тарелку, которую держала на коленях. Сок консервированной свеклы растекся по кусочкам ветчины из жестянки с надписью Spam. Это ненастоящее мясо. Мне хотелось сочной спинной вырезки. Я согнула тарелку, еда перемешалась. Никто и слова не проронил, пока я выходила из комнаты, даже когда кроваво-красный свекольный сок потек из уголка тарелки по моей ноге на пол. Я засунула тарелку глубже в мусорное ведро, и мне показалось, что в ней было мое отстучавшее сердце.

Почитать описание и заказать
в МИФе

Смотреть книгу

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

Взрослые книги:

Проза:

Детские книги:

